

С. С. АЛЫМОВ

ORCID: 0000-0001-9988-9556

✉ alymovs@mail.ru

*Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
(Россия, Москва)*

ЗАБЫВАЯ ЭТНОС И НАЦИЮ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ И ЭКСПЕРТИЗА «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА» В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты развития советской этнографии в 1980-е годы. Автор прослеживает изменение теоретического арсенала этнографов в связи с перестройкой и кризисом межнациональных отношений в СССР конца 1980-х. Показано, как менялся характер экспертизы «национального вопроса» и как проявлялось участие в ней двух конкурирующих групп интеллектуалов — этнографов и специалистов по теории нации и национальных отношений из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Автор делает вывод о том, что на протяжении 1980-х годов этнографы постепенно отказывались от марксистской теории нации и делали упор на изучение этнической идентичности. В то же время им противостояли теоретики нации, стремившиеся поставить под сомнение этническую терминологию. В статье показано, что этнографы обладали достаточно реалистичной картиной состояния «национального вопроса» в стране. Они выступали за постепенный демонтаж структуры СССР, основанной на этнонациональной государственности союзных и автономных республик, за выравнивание прав национальностей и рассматривали возможность перехода в перспективе к территориальному административному делению. Эти тезисы высказывал как теоретик этноса Ю. В. Бромлей, так и сторонник конструктивизма В. А. Тишков.

Ключевые слова: теория этноса, «национальный вопрос» в СССР, этничность, экспертиза, нация, национализм, советская этнография

Благодарности. Статья публикуется в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН. Автор благодарит Николая Ссори́на-Чайкова за приглашение обсудить данную статью на заседании этнографического кружка, а также Дмитрия Арзютова, Зинаиду Васильеву, Дмитрия Верховцева, Станислава Петряшина и всех участников этого обсуждения за ценные коммента-

рии и советы. Автор также благодарит И. Ю. Заринова, А. Н. Кожановского, М. М. Керимову и В. А. Тишкова, сделавших важные замечания в ходе обсуждения статьи на семинаре Группы по истории этнологии и антропологии ИЭА РАН.

Для цитирования: Алымов С. С. Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза «национального вопроса» в период перестройки // Шаги/Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 70–92. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92>.

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2020 г.

Принято к печати 10 февраля 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 2. 2021
Articles

S. S. Alymov

ORCID: 0000-0001-9988-9556

✉ alymovs@mail.ru

The RAS N. N. Miklukho-Maklay

Institute of Ethnology and Anthropology (Russia, Moscow)

FORGETTING ETHNOS AND NATION: ETHNOGRAPHIC DISCUSSIONS AND EXPERTISE ON THE “NATIONAL QUESTION” DURING PERESTROIKA

Abstract. The article considers theoretical and applied aspects of the development of Soviet ethnography and expertise on the “national question” in the USSR in the 1980s. The author observes that during Perestroika a number of ethnographers grew dissatisfied with the opportunism of expertise on the national question. M. V. Kryukov was the scholar who brought new momentum to discussions of the theory of ethnos in the 1980s. He was skeptical about the Marxist classification of ethnic groups (tribe — nationality — nation) and called for a revision of the theory of ethnos on the basis of the study of ethnic identity (self-consciousness). Approximately during the same period the theory of ethnos was attacked through a report to M. S. Gorbachev by a specialist in the theory of nation, M. I. Kulichenko, who called for abandoning the term ethnos. The politics of Glasnost led to the first uncensored debates on the state of interethnic relations among ethnographers and “national question” experts. Ethnographers were aware of the sorry state of these relations and suggested a slow dismantling of the system of “national republics”. They advocated a reform, which included equalizing the status of all ethnic territorial units, creation of cultural ethnic associations, and contemplated a transition to a regional administrative system as a mechanism for “depolitisation”

of ethnicity. This approach was taken by both the theorist of ethnos Iu. V. Bromlei and his successor in the office of the director of the Institute of Ethnography, V. A. Tishkov, who adhered to the constructivist theory of ethnicity. This shows that the theory of ethnos in Bromlei's version was not inherently nationalistic in its political application.

Keywords: theory of ethnos, nationalism, “national question” in the USSR, ethnicity, expertise, nation, Soviet ethnography, Soviet ideology

Acknowledgements. The article is published in accordance with the research plan of the IEA RAS. I thank Nikolai Ssorin-Chaikov for the invitation to discuss this paper at the meeting of the ethnographic *kruzhok*. I am also grateful to Dmitry Arzuytov, Zinaida Vasilyeva, Dmitry Verkhovtsev, Stanislav Petryashev and all participants of this discussion for their comments. The author also appreciates valuable commentaries, made at the discussion of this article at the seminar of the Group for the history of ethnology and anthropology (IEA RAS) by I. Yu. Zarinov, A. N. Kojanovskii, M. M. Kerimova, V. A. Tishkov, and others.

To cite this article: Alymov, S. S. (2021). Forgetting ethnos and nation: Ethnographic discussions and expertise on the “national question” during Perestroika. *Shagi / Steps*, 7(2), 70–92. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92>.

Received December 10, 2020

Accepted February 10, 2021

Современное состояние любой научной дисциплины представляет собой сложный набор тенденций, обусловленных как наследием прошлого, так и факторами настоящего. Теория этноса и марксистская теория нации, о которых пойдет речь в этой статье, в постсоветское время стали наследием, от которого академическая этнология/антропология стремилась отказаться. Обозревая результаты развития постсоветской социокультурной антропологии, В. А. Тишков отметил как становление новой предметной области этой науки, отказавшейся от примордиалистских теорий, так и упорство, с каким понятие *этнос* «перекочевало из этнологии в другие сферы гуманитарного и социального знания», где оно продолжает сохранять актуальность [Тишков 2016: 5]. Тезис о сохранении *этносом* своих позиций подкрепляют и данные Дмитрия Верховцева по базе Google Scholar, согласно которым монографии Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева остаются одними из самых цитируемых среди работ отечественных этнологов ([Верховцев 2019]; но см.: [Соколовский 2014]).

В данной статье будет рассмотрен сравнительно краткий, но принципиально важный период второй половины 1980-х — начала 1990-х годов — времени, когда советская этнография начала преобразовываться в российскую социокультурную антропологию и когда впервые прозвучали призывы В. А. Тишкова «забыть» о нации и этносе как категориях научного анализа [Тишков 1989d]. В это же время менялся и общественно-политический ста-

тус ученого: зачастую анонимный и всегда невидимый для общества автор «докладных записок» становился публичным интеллектуалом, отстаивавшим свои позиции как в академии, так и в политике. Яркими примерами этого нового типа интеллектуалов стали некоторое время совмещавший науку и политику В. А. Тишков и ушедшая в политику Г. В. Старовойтова. Как известно из истории советской этнографии и как напоминает Шейла Джазанофф, «государства создаются знанием, так же как знание формируется государством» [Jasanoff 2004: 3]. Поэтому я рассматриваю этнографические дискуссии перестроечных лет в контексте изменения роли экспертного знания, сформировавшегося, в частности, практику этнологического мониторинга и экспертизы.

1980-е годы, ставшие последним десятилетием существования как советской теории этноса, так и советской этнографии, начинались в атмосфере внешней стабильности. Ю. В. Бромлей, ставший в 1976 г. академиком и заместителем главного ученого секретаря Президиума АН СССР, находился на пике своей карьеры. Авторитет главного теоретика был закреплен выходом двух объемных монографий — «Современные проблемы этнографии» (1981) и «Очерки теории этноса» (1983), — охватывавших всю основную проблематику науки и размечавших ее понятийный аппарат. Поступательный прогресс науки описывала обзорная статья [Бромлей, Тер-Саркисянц 1981] по итогам десятой пятилетки (1976–1980). Развивались теория этноса, этносоциология, этническая география и другие субдисциплины. Не стояло на месте и исследование традиционных объектов этнографического изучения: традиционно-бытовой культуры народов мира, обрядности, религии, народного творчества и т. д. На протяжении 1980-х годов в журнале «Советская этнография» шли обсуждения этнопсихологии как науки, теории культурной традиции, типов этнических общностей, роли сельской общины в поддержании и развитии традиций и т. д. И когда в начале 1990-х годов В. А. Тишков [1992] призвал к преодолению кризиса в этнографии, у плодотворно работавших в этот период ученых, очевидно, была причина для недоумения [Арутюнов 1993].

Критические нотки в обсуждении положения дел в советской этнографии, однако, зазвучали задолго до этого. Редакционная статья «Советская этнография в условиях перестройки» (1987) заявляла о необходимости «честно и прямо» говорить об актуальных проблемах современности, тогда как этнографы «подчас убаюкивали себя и других общими тезисами о полном торжестве ленинской национальной политики, о ничем не омраченной дружбе народов СССР, о быстром сближении наций и народностей Советского Союза» [Советская этнография 1987: 5]. Упоминалось в статье и «противоречие», занявшее вскоре важное место в размышлениях этнографов: наряду со сближением наций, «развитие национальных культур сопровождается ростом этнического самосознания, национальной гордости, стремления того или иного этноса самоутвердиться среди других народов» [Там же: 7]. Еще более резко высказался на ту же тему М. В. Крюков, говоря о тенденциях этнографов заменять анализ действительности утверждениями о бесконфликтной интеграции и «бравурными славословиями по поводу нашего продвижения вперед» [Крюков 1988а: 60].

Таким образом, уже во второй половине 1980-х годов теория и практика советских этнографов вступили в полосу турбулентности, связанную как

с переосмыслением ими своей роли в политико-идеологическом аппарате советского государства, так и с критической переоценкой теории этноса. Далее я рассмотрю несколько эпизодов этого переосмысления: наметившийся в дискуссиях 1980-х все больший отход советской теории этноса от исторического материализма; конфликт Бромлея с главным специалистом по нации и «национальному вопросу» М. И. Куличенко; первые свободные от самоцензуры обсуждения состояния «национального вопроса»; наконец, последнюю попытку Бромлея отразить «бунт этничности» в СССР и переход к конструктивистской парадигме этничности. Анализируя эти события, я постараюсь продемонстрировать, что многие постулаты советской теории этноса были подвергнуты сомнению уже в ходе дискуссий 1980-х годов. Мы увидим, что центре перестроечных дискуссий о «национальном вопросе» центральными оказывались вопросы практической политики, связанные скорее с термином *нация*, чем *этнос*. Кроме того, я покажу, что характер анализа текущей этнополитической ситуации ведущими учеными не был обусловлен их приверженностью теории этноса или, наоборот, критическим отношением к ней и что даже различное понимание ими «нации» могло сочетаться со схожими оценками и прогнозами.

Дискуссии об этносе и этничности второй половины 1980-х годов

Главным инициатором дискуссий по теории этноса в 1980-е годы был китаист М. В. Крюков. В 1986 г. он выступил со статьями «Еще раз об исторических типах этнических общностей». Обозревая попытки классификации этнических общностей советскими учеными, Крюков приходил к выводу, что как в синхронном, так и в диахронном отношении они за редкими исключениями не соответствовали формационной теории. Особенно противоречивой с этой точки зрения является категория *народность*, которая могла сосуществовать почти со всеми формациями, от рабовладения до социализма. В то же время не существовало и четкого критерия отличия советских народностей от наций. Взамен формационной классификации Крюков предложил классификацию, основанную на развитии этнического самосознания, которое, согласно его концепции, пережило в мировой истории два периода «вспышек этнической активности»: период сложения древних народов в эпоху античности и период возникновения «современных этносов» при капитализме. Различия между ними, согласно Крюкову, находились в сфере самосознания: древние воспринимали других как не вполне человеческих существ, тогда как люди эпохи капитализма рассматривают свою общность как одну из множества ей подобных [Крюков 1986а: 66–69]. В ответе оппонентам, которые в той или иной степени защищали идею «триады» «племя — народность — нация», Крюков призвал «рассечь этот узел, вообще отбросив составляющие его понятия» [Крюков 1986б: 71].

В феврале 1988 г. Крюков сделал на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР доклад «Этничность, безэтничность, этническая непрерывность». В нем ученый поставил под сомнение коренной постулат советской этнографии о том, что «всюду и всегда каждый человек на Земле — этнофор, что он обязательно является представителем какого-то определенного

этноса» [Протоколы 1988. Л. 17]. Ситуацию безэтничности, т. е. отсутствия этнического самосознания, Крюков усматривал среди жителей Хиндустана и Новой Гвинеи; этническую непрерывность, по его мнению, можно наблюдать среди мон-кхмерских народов южного Вьетнама: они имеют четкое самосознание, но почти не отличаются друг от друга культурой и языком. Единственной основой для появления этого самосознания Крюков считал присущую данным этносам эндогамию, которую он назвал «наиболее фундаментальным признаком этноса» [Там же. Л. 19]. Большинство выступавших в обсуждении доклада поставили под сомнение идею эндогамии как характеристики этноса. В то же время многие (В. И. Козлов, И. А. Першиц, П. И. Пучков, В. А. Шнирельман) согласились с тем, что этничность не является «вечно существовавшей» или универсальной характеристикой человека.

Наконец, в том же 1988 г. состоялась дискуссия по статье Крюкова «Этнос и субэтнос», ставшей продолжением осмысления им вьетнамского материала [Крюков 1988b]. Это была попытка операционализировать понятие этноса и создать этническую классификацию при помощи сбора информации о языках, наречиях и этнических идентичностях, а также картографировать этот материал наряду с эндогамными ареалами. Последовавшая дискуссия выявила самые разные мнения относительно выполнимости такого исследования, которое, впрочем, осуществлено не было. Таким образом, можно констатировать: несмотря на то что Бромлей и ряд других теоретиков продолжали придерживаться того или иного варианта «триады» в рамках формационной классификации этносов и других постулатов теории этноса, наиболее свежие теоретические новации в этой области основывались на окончательном отказе от формационной классификации и принятии этнического самосознания как основной характеристики этничности. Тем не менее позиция Крюкова носила двойственный характер: он отнюдь не отказывался от поиска «объективных» критериев выделения этносов. Об этом свидетельствует и одновременное использование им понятий *этнос* и *этничность*.

Спор о понятиях: сотрудничество и конфликты обществоведов-специалистов по «национальному вопросу»

Ю. В. Бромлей стал директором Института этнографии в январе 1966 г. В этом же году в рамках Секции общественных наук АН СССР была создана Комиссия по изучению национального вопроса, задачей которой была координация работы гуманитарных институтов АН в данном направлении [Стенограмма 1967. Л. 91]. В январе 1969 г. комиссия была преобразована в Научный совет по национальным проблемам при Секции общественных наук. В задачи этого совета входила координация исследований, организация дискуссий и конференций, а также подготовка «научно-обоснованных предложений по проблемам национальных отношений» [Протоколы 1968. Л. 19]. В первом составе совет возглавил академик Е. М. Жуков, его заместителями стали философ Э. А. Баграмов и Ю. В. Бромлей, ученым секретарем — историк и социолог Л. М. Дробижина [Постановления 1969–1976. Л. 2]. По всей видимости, в том же году Бромлей встал во главе совета [Вайнштейн 2004: 616]. В 1976 г. заместителем председателя совета также стал ведущий в СССР теоретик на-

ции М. И. Куличенко [Протоколы 1976. Л. 77], заведующий сектором теории нации и национальных отношений Отдела научного коммунизма Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС. Баграмов, в 1960–1970-е годы работавший в Отделе пропаганды ЦК и в журнале «Коммунист», с 1979 г. работал в ИМЛ в секторе Куличенко. Под эгидой совета Бромлей, Баграмов и Куличенко организовывали конференции по «национальному вопросу» (15 конференций с 1976 по 1983 г.), выпускали серию монографий «Национальные отношения в современную эпоху» [Баграмов 2003: 49] и координировали исследовательские проекты, в том числе советско-вьетнамское исследование национальных меньшинств в Социалистической Республике Вьетнам, благодаря которому Крюков сформулировал свой тезис об «этнической непрывности» [Материалы 1985–1986. Л. 56].

Несмотря на длительное сотрудничество с Бромлеем, 30 июля 1985 г. Куличенко направил новоизбранному генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву письмо, в котором сигнализировал о необходимости «преодоления явного неблагополучия, сложившегося в области изучения советскими учеными проблемы наций и национальных отношений в нашей стране и в братских странах социализма» [Там же. Л. 6]. Суть этого неблагополучия Куличенко виделось в следующем:

...Нация и все национальное, в том числе взаимоотношения народов, сводятся к этническим факторам. <...> еще два десятилетия назад публиковались монографии по сложнейшим вопросам жизни и взаимоотношений наций, для характеристики которых не применялось ни единого слова «этнос» или «этнический». Ныне это уже большая редкость: многие специалисты не просто широко применяют эти термины, а дело даже идет к тому, что, напротив, понятия «нация», «национальное» встречаются все реже; среди этнографов даже высказывается мнение, чтобы вообще обойтись без таких категорий [Там же. Л. 8].

Этнографы, считающие нацию разновидностью этнического, по мнению Куличенко, игнорировали тот факт, что «этническое носит консервативный характер» и аккумулируется прежде всего в традиционной культуре. Концентрируя внимание на «этническом» в противовес «национальному», носящему классовый и политический характер, этнографы наносят вред анализу взаимоотношений наций при социализме. Куличенко возлагал ответственность за эту «этническую болезнь» на Бромлея и уверял, что его влияние настолько значительно, что едва не привело к срыву выхода в свет книги «Нация и современный прогресс» (1983), в которой Куличенко полемизировал с данной позицией «без упоминания фамилий» [Там же. Л. 10]. В упомянутой книге Куличенко действительно писал о важности подчеркивать исторический и преходящий характер наций [Куличенко 1983: 65]. «Этническое» же, а именно язык, традиционная материальная культура, фольклор, обычаи, обряды и т. д., являются, по его мнению, древними, консервативными и, в сущности, внеклассовыми компонентами национального [Там же: 20].

По всей видимости, письмо Куличенко не имело последствий. Из ЦК оно было спущено в Академию наук, которая создала комиссию под руководством

академика С. Л. Тихвинского. Бромлей написал ответ, в котором утверждал, что советские этнографы «подчеркивают определяющую роль социально-экономических факторов», что демонстрирует, в частности, созданный им термин «этносоциальный организм» [Материалы 1985–1986. Л. 18–19]. Комиссия признала обвинения необоснованными, а тон письма не товарищеским [Там же. Л. 2].

В начале своего письма Куличенко также отмечал неправильность высказывавшегося в советской прессе тезиса о том, что «национальный вопрос в советской стране сохраняется»: ведь неоднократно, в том числе в Третьей программе КПСС, было сказано, что он уже решен [Там же. Л. 7]. Это означало, что теоретика не устраивала даже та минимальная проблематизация «национального вопроса», которая содержалась в работах Бромлея и этнографов. Очевидно, роль Куличенко в качестве «всесильного консультанта ЦК КПСС по национальному вопросу» [Губогло 2013: 286] показывала аналитикам, насколько узок репертуар дозволенных трактовок в данной сфере.

Перестройка и экспертиза «национального вопроса»

С приходом Горбачева ситуация стала быстро меняться как в отношении снятия цензурных ограничений, так и в обострении «национального вопроса». В апреле 1986 г. состоялись молодежные волнения и стихийная манифестация под националистическими лозунгами в Якутске, в декабре того же года разгон манифестации казахских националистов в Алма-Ате потребовал вмешательства военных. Вызревавший в течение 1987 г. армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе в феврале 1988 г. привел к открытому противостоянию и погромам. После XXVII съезда КПСС (февраль — март 1986 г.) в Институте этнографии возникла идея создания Центра по изучению национальных отношений в СССР. По сообщению М. Н. Губогло и Г. В. Старовойтовой, он задумывался как организация, призванная координировать данную работу по всесоюзному масштабу. Планировалось издавать ежегодник «Национальные процессы в СССР», а также создать «группу по изучению учебников истории в республиках, чтобы изучить роль учебников в формировании национального самосознания» [Протоколы 1988. Л. 484] (ср. [Губогло 1989]).

5 октября 1987 г. состоялось заседание Ученого совета ИМЛ по обсуждению доклада Э. А. Баграмова «Национальные проблемы в современных условиях». На заседании присутствовали представители Института этнографии, Института истории СССР и других научных центров, так что оно явилось одной из первых попыток осмысления экспертами сложившейся ситуации. Баграмов сетовал на то, что на протяжении последних 15 лет в изучении «национального вопроса» делалось очень мало. Рассуждая о причинах «негативных явлений», докладчик указывал на догматический подход к национальной политике, основывавшийся на дореволюционных работах Ленина и политике коренизации 1920–1930-х годов. Это привело к «расчету на иждивенчество» в республиках и «перекоосу» в их кадровой политике, в результате чего представителей нетитульной национальности «все меньше и меньше пускали на руководящие посты» [Стенограмма 1987. Л. 26]. С другой стороны, пропаганда двуязычия и русского языка осуществлялась в ущерб всем остальным языкам, а

интеллигенция Украины и Белоруссии остро ставила вопрос об угрозе вытеснения их национальных языков. Наконец, третью причину Баграмов усматривал в том, что «национальный момент рассматривался главным образом в негативном плане», отрицавшем «колоссальную энергию национального чувства», которую можно и нужно использовать в правильном направлении [Там же. Л. 30]:

Идет бурный процесс интернационализации общественной жизни, он будет и дальше протекать. Он сталкивается (и это определенное противоречие нашей живой действительности) с ростом национального самосознания. Бурный рост национальных чувств и рост интернационализации общественной жизни. Казалось бы, противоречие. Между тем, это реальная социалистическая действительность, потому что социально-экономический прогресс всех наций вызвал одновременно и укрепление национальных чувств [Там же: 33].

Впрочем, анализируя конкретные события в Якутске, Баграмов указал на то, что «национальную гордость» могут использовать «разного рода демагоги, смутьяны» [Там же. Л. 44].

Выступление на данном совещании заместителя директора Института этнографии С. И. Брука дает представление о том, что думали в институте о «национальном вопросе» вне парадных отчетов и публикаций. Общая оценка ситуации шла вразрез со всеми теориями межэтнической интеграции и интернационализации:

...С моей точки зрения и с точки зрения наших товарищей, национальные отношения и их острота будут, во всяком случае, в ближайшее время, не утихать, а возрастать. И связано это с тем, что чем более развивается нация, тем больше у нее культурный слой (если можно так выразиться), растет интеллигенция, и особенно творческая интеллигенция, тем больше возникает этих проблем, тем больше появляется конкурентных ситуаций и тем более возрастают эти напряженности. Между прочим, чем ниже опускается [sic!] — если мы опускаемся, так сказать все ниже и ниже по социальной лестнице, то эти отношения все лучше и лучше и хуже всего на самом верху. Это надо прямо сказать и об этом говорят социологические и этнографические исследования [Там же. Л. 62].

Кроме того, Брук, как и Баграмов, признавая достижения национальной политики 1920–1930-х годов, скептически относился к положению дел в ней на современном этапе:

У нас есть национальные автономии, в которых основная национальность составляет 3,2% в отношении округов и 5% в отношении автономных областей. Мы создали (и, я думаю, что это была сделана ошибка, когда мы создавали, для того чтобы поднять отсталые национальности) национальные республики, национальные автономии, где основная национальность (как она называлась, или коренная) составляла 20–30%. А русские и другие народы, которые там жили, они в общем никак не назывались [Там же. Л. 63].

В качестве примера такого рода ошибки он называл Крымскую АССР, в которой татары на момент создания составляли 19%¹. Далее Брук рассказывал о всевозможных манипуляциях с этнической статистикой, а также о нежелании республиканских властей признавать на своей территории нетитульные народы (талыши в Азербайджане, гуцулы, лемки и бойки в Украине). Наконец, он указал на взрывной рост численности населения Средней Азии (с 1959 по 1979 г. оно увеличилось на 11 млн человек), использовать которое в сельском хозяйстве невозможно, а также поставил под вопрос сам статус среднеазиатских наций: «О каких нациях — казахской и всех среднеазиатских — мы можем говорить, если процент городского населения там меньше четверти?» [Там же. Л. 67]. Представители различных учреждений, выступавшие на заседании, привели массу других примеров сложностей «национального вопроса» (национализм в Средней Азии и Прибалтике, исламизация, незнание русского языка в республиках) и несовершенства политики. Это позволяет с уверенностью сказать, что многие эксперты в СССР были далеки от идеализации ситуации и имели достаточно информации о реальном положении дел в стране.

Экспертиза Бромлея

Наиболее полное представление о позиции этнографов-экспертов относительно текущей ситуации в «национальном вопросе» и необходимых, по их мнению, действиях можно получить из докладной записки «Предложения к выработке концепции Пленума ЦК КПСС по вопросам национальных отношений», датированной 3 ноября 1988 г. Записка подписана академиком Бромлеем, однако, вполне возможно, имеет коллективное авторство. По крайней мере в одном из отчетов за 1989 г. Л. М. Дробижева указывала, что являлась автором одного из разделов докладной записки в ЦК КПСС в связи с подготовкой пленума по национальным отношениям [Отчеты 1989, 1999. Л. 1–2]. Впрочем, это может относиться к другому материалу, так как пленум состоялся лишь в сентябре 1989 г. Горбачев назвал впоследствии этот пленум «запопздавшим» [Горбачев 1995: 517].

Докладная записка задавала повестку будущего пленума (который тогда ожидался в начале 1989 г.) и предлагала конкретные решения². Так, раздел «Национально-государственные аспекты» был посвящен юридическим основам взаимоотношений центра, республик и других национально-административных единиц. Прежде всего предлагалось укрепить власть центра, обезопасив его от возможной апелляции к 72-й статье Конституции о «праве свободного выхода из СССР» редакцией следующей, 73-й статьи, в которой бы четко прописывался суверенитет центральной власти в изменении границ Союза и осуществлении республиками их права на выход [Предложение 1988. Л. 20]. В то же время предлагалось «совершенствовать внутреннюю структуру рес-

¹ С. И. Брук назвал ее «татарской автономией в Крыму», имея в виду, по-видимому, тот факт, что крымские татары и караимы были признаны коренными народами Крымской АССР, существовавшей с 1921 по 1945 г.

² Значительные фрагменты текста и положения записки совпадают с [Бромлей 1989а] и [Бромлей 1989b]; в опубликованном тексте они, как правило, носят характер безоценочной констатации фактов.

публик» в направлении предоставления всем народам государства автономии. Бромлей напоминал, что в структуре СССР есть лишь 53 национальных образования при ста с лишним официально признанных народах. Он предлагал вернуться к практике образования национальных районов и национальных сельсоветов, существовавшей в 1920–1930-е годы, что могло бы решить проблему советских немцев, поляков, болгар, венгров и т. д. [Там же. Л. 21]. Права всех этих предполагаемых административных образований необходимо было четко определить по отношению к правам республик.

Раздел «Экономические аспекты национальных отношений» в первую очередь предостерегал от поспешного введения «республиканского хозяйства», по существу равнозначного экономическому суверенитету. Выступая против «абсолютизации статуса этнонациональных единиц», автор призывал основываться на территориальном разделении труда, межреспубликанской кооперации и мобильности представителей всех национальностей:

По крайней мере, современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добилось значительных успехов в своем развитии при том, что его народы «разбежались» по своим национальным квартирам [Там же: 29].

В демографическом разделе записки Бромлей призывал регулировать рождаемость в Средней Азии экономическими мерами и обратить особое внимание на адаптацию русских мигрантов в республиках, делая упор на формирование в них постоянного русского населения и снижение доли временных мигрантов [Там же. Л. 31–34]. Констатируя озабоченность украинской и белорусской интеллигенции сужением сферы использования национальных языков, записка призывала обеспечить знание титульных языков всеми работниками административной и других сфер, связанных с общением. Бромлей затрагивал и другие проблемы (кадровая политика, основанная на национальном признаке, дисбаланс в профессиональной структуре советских наций, гласность, отношение к сложным моментам исторической памяти и т. д.), призывал не отказываться от понятия «советский народ» и т. д. В заключении он призывал к гласной подготовке к пленуму, к проведению встреч между активистами, учеными, представителями власти и т. д.

Подготовка пленума, назначенного на июнь 1989 г., затягивалась, и в его преддверии на страницах «Правды» развернулась дискуссия о предпочтительном устройстве Союза, которая была задана альтернативой, вынесенной в заглавии статьи Бромлея: «Федерация или конфедерация?». Она стала откликом на статьи представителей Литовской и Эстонской ССР, последний из которых склонялся к конфедерации (т. е. союзу независимых государств). Поскольку аргументация касалась проблемы республиканского суверенитета в Конституции СССР, Бромлей указывал на статьи, говорящие о его ограниченности суверенитетом СССР. В защиту «центра» Бромлей приводил как философские аргументы, представлявшие СССР «сложной системой, отдельные части которой связаны друг с другом <...> миллионами сложившихся за годы Советской власти самых разнообразных нитей», так и анализ опыта Югославии, децентрализация которой в 1960-е годы привела к усилению позиции республиканской бюрократии. Статья заканчивалась прозрачным намеком на то, что та

же бюрократия будет бенефициаром и в случае превращения СССР в конфедерацию [Бромлей 1989с]. Следует отметить, что сентябрьский пленум ЦК, в рамках подготовки к которому готовились данные статьи и записки, принял документ, названный «Национальная политика в современных условиях (платформа КПСС)». В нем теоретически говорилось о приоритете союзного законодательства (без упоминания о конституционной проблеме соотношения суверенитетов), однако целиком приветствовался переход республик на «хозрасчет и самофинансирование» [Материалы 1989: 221].

Последним словом Бромлея в отношении текущей ситуации, по всей видимости, является опубликованная уже посмертно в 1991 г. статья «Национальные проблемы в свете принципа равноправия», основанная на докладе, прочитанном на Межведомственном научном совете по изучению национальных процессов 4 января 1990 г. В ней выражалось осторожно-скептическое отношение к перестройке как таковой, «открывшей клапаны» для «различных сил», но не обеспечившей защиты населения от дискриминации по национальному признаку вплоть до «принятия высшими органами власти в республиках шовинистических законов, дискриминирующих национальные меньшинства, не говоря уже о “милосердном” отношении к тем, кто совершил человеконенавистнические деяния в ходе кровавых столкновений на национальной почве» [Бромлей 1991: 43]. Одной из главных целей статьи было показать историческое становление федерации под руководством Ленина, в перспективе представлявшее переход от федерации к «полному единству» трудящихся. Этот анализ был явно полемически направлен против идеи заключения нового союзного договора:

Наше союзное государство существует уже десятилетия. И это уже не младенец, а сложившийся организм, связанный миллионами самых разнообразных нитей. И рождение этого организма заново, рождение заново младенца — просто нонсенс [Там же: 49].

В свете последних событий он уже с меньшим энтузиазмом относился к идее повторения эксперимента 1930–1920-х годов по созданию большого количества национально-территориальных единиц. Сравнивая полиэтнические государства с «национальными» и территориальными административными устройствами, он указывал на то, что наиболее острые межэтнические противоречия возникли в первых (СССР и Социалистическая Федеративная Республика Югославия). На этот раз Бромлей призывал «заморозить» структуру СССР на время «пока улягутся национальные страсти», а если дойдет до заключения нового союзного договора (идея, которую он явно не одобрял), то в нем должны принять участие «все национальности страны, а не только 15 привилегированных [Там же: 60]. В качестве долгосрочного рецепта для решения «национальных проблем» академик указывал на сочетание «низовых» национально-административных единиц с «постепенных упразднением республик», давно ставших многонациональными:

Действительно, это может дать ощущение определенного политического равноправия для всех национальностей страны. В данном случае, естественно, старая национально-административная струк-

тура должна быть заменена «чисто» территориальной, основанной на исторически сложившихся регионах разного уровня, включая макрообразования [Там же: 61].

Следует подчеркнуть, что рекомендации Бромлея должны прочитываться в комплексе. Историк К. Равски, цитируя один из текстов академика, в котором предлагается вернуться к опыту 1920-х годов, утверждает, что такие рекомендации означали веру Бромлея в пропагандистские мифы об успехах национальной политики 1920-х и его неспособность выйти за пределы пропагандистских клише [Rawski 2017: 129]. В действительности академик исходил из критического представления о том, что «невозможно научно обосновать существующую иерархию национально-территориальных единиц» [Предложение 1988. Л. 21]. Возвращение «назад к Ленину» виделось ему лишь одной из мер наряду с перечисленными выше мерами по укреплению центростремительных сил Союза. Равски указывает на то, что подобные меры привели бы к еще большему кризису и конфликтам, существовавшим и в 1920-е годы. Это, конечно, не было тайной для Бромлея. Уже в 1988 г., комментируя это предложение, он указывал на опасения, что «любое изменение существующей национально-административной структуры (...) будет порождать обострение национальных отношений» [Бромлей 1989а: 8]. В конце 1989 г. он был еще более осторожен к этой идее, уже прописанной в платформе КПСС по национальному вопросу: «...в стране может появиться еще по крайней мере полсотни “болевых точек”» [Бромлей 1991: 53]. Создание таких единиц, по его мнению, могло бы идти одновременно с упразднением республик и переходом к чисто территориальной административной структуре и «деполитизации национальных отношений»: «...осмелюсь утверждать, что власть, основанная на национальном (этническом) признаке, аморальна» [Там же: 60–61]. «Центр тяжести» управления национальной жизнью, по его мнению, должен был «все более и более перемещаться к национально-культурным ассоциациям всех видов» [Там же: 61].

Изменения в теории и преемственность оценок

Как видно из изложенного выше, оценки и рекомендации Бромлея основывались на императиве сохранения союзного государства. В то же время в конце жизни он склонялся к пересмотру представлений о достижениях советского типа «национального самоопределения» и возлагал большие надежды на национально-культурные ассоциации и другие формы нетерриториального оформления этничности. Теоретические же взгляды ученого в целом, видимо, не претерпели серьезных изменений, если не считать нового поворота к теме «этнической окраски взаимодействия биологического и социального» и этнической эндогамии в статье «Человек в этнической (национальной) системе» [Бромлей 1988: 17–22].

В 2009 г. вышло переиздание «Очерков теории этноса», в послесловии к которому вдова академика рассказывает, что Юлиан Владимирович до последних дней работал над рукописью «Этнический феномен» (это подтверждает и В. А. Тишков [2003: 8]), однако она была похищена из ее квартиры после его

смерти. Впрочем, добавляет она, «...я знаю, что в эту рукопись вошла большая часть переработанных разделов из работы “Очерки теории этноса”» [Бромлей 2009: 415]. Действительно, в личном фонде Ю. В. Бромлея в Архиве РАН хранится объемная неопубликованная рукопись книги под названием «Этнические общности и современная этнография» с письмом из издательства «Наука», извещающим о том, что рукопись исключена из плана на 1991 г. Возможно, Наталья Бромлей имела в виду эту рукопись, в самом деле за исключением редких вставок составленную из текстов «Очерков...», а также фрагментов других монографий автора. Редкими оригинальными вставками являются несколько страниц, посвященных американской литературе об этничности и Ф. Барту, в которых говорится, что в них сделан акцент на «субъективной стороне проблемы» [Бромлей 1990. Л. 58–60]. Другим дополнительным фрагментом был обзор определений нации с целью показать традиционность употребления этого понятия в значении этнической общности: латинское *natio* (род, племя, народ) приобрело значение совокупности граждан в английском и французском, однако в немецком, русском и в языках восточноевропейских народов сохранило «этническое значение» [Там же. Л. 58–60, 65].

Следует отметить, что в 1980-е годы тексты Бромлея подвергались критике не только и, возможно, не столько с «биологизаторских» позиций Л. Н. Гумилева и его последователей, сколько со стороны ортодоксального марксизма, что касалось трактовки понятия *нация*. Помимо Куличенко, еще в 1979 г. философ И. П. Цамерян раскритиковал этническое понимание нации и ее преемственности с «этником»:

Всякого рода взгляды, трактующие национальность как историческую общность людей с едиными этническими признаками, характеризующие нацию как общность двух автономных сторон (или частей) — этнической и социальной, могут служить удобной формой обоснования вечности наций, национальных различий [Цамерян 1979: 28].

Куличенко также приписывал Бромлею представление о том, что «после отмирания классов общество будут составлять одни только этнические общности» [Материалы 1985–1986. Л. 22].

В новых реалиях вопрос о нации встал не в контексте схоластических схем или перспективы отдаленного будущего, а как непосредственная политическая проблема. В 1989 г. Крюков показал, что «триада» «племя — народность — нация», на которую опиралась теория этноса, была продуктом сталинской теории нации, тогда как Маркс, Энгельс и Ленин таких иерархий не выстраивали, но использовали слова *народ*, *нация* и *национальность* как синонимы и отнюдь не связывали появление наций с капитализмом [Крюков 1989; Тишков 1989d: 77]. Наконец, В. А. Тишков, ставший заместителем Бромлея, опубликовал в том же году программную статью в центральном партийном журнале «Коммунист», где предложил отказаться от использования термина *нация* в его этническом значении и сохранить его в значении, «которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, то есть нация — это совокупность граждан одного государства» [Тишков 1989c: 50] (ср. [Тишков 1989e: 6–10]). Как вспоминал Тишков, он поделился с Бромлеем

необходимостью менять представление о нации, на что престарелый академик многозначно ответил: «Ну, тогда будет хаос, хотя от этого никуда не уйти» [Тишков 2003: 8]. В одной из последних публикаций Бромлей возражал против «нигилистического отношения к терминам» и предложения употреблять слово *нация* «на английский лад», нашедшего отражение на страницах журнала «Коммунист» [Бромлей 1989b: 31]. В другом месте он высказывал мысль о том, что «если утверждать, что нация не этническая, а только социальная (в узком значении слова) общность, то будет утрачено основание для ее отграничения от других общностей людей (в первую очередь от государства)» [Бромлей 1990. Л. 119–120].

Несмотря на сопротивление Бромлея, Тишков уже в статусе директора Института этнографии (с 1989 г.) активно выступал не только в стенах академии, но и в прессе, отстаивая свое представление о нации как «субстанции духовной культуры и коллективного сознания (<...> а не что-то определяемое учеными или политиками извне» [Тишков 1989b]. Он также участвовал в рабочей группе по подготовке платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятой на пленуме 20 сентября 1989 г., и стремился к тому, чтобы слово *нация* вообще не упоминалось в этом документе³. Критикуя принятую платформу в своей программной статье, Тишков указывал на то, что она не избавилась от абсолютизации национальной государственности и не предложила реальной федеративной реформы. Основным ее принципом, согласно Тишкову, должен был стать приоритет гражданских прав личности над правами народов и республик:

Субъектом национальных прав должен быть прежде всего гражданин как высшая общественная ценность, а уж затем народ, а тем более государственность в виде республики [Тишков 1989a: 13].

Несмотря на то что Бромлей и Тишков оказались оппонентами в понимании значения термина *нация*, в их экспертизе относительно состояния и рецептов преодоления кризиса СССР было много схожего. Как и Бромлей, Тишков сожалел об отказе обществоведов от понятия «советский народ», считал, что оно обозначает реальную социокультурную общность, и указывал, что отсутствие представления о «советской нации» лишает СССР консолидирующего начала [Тишков 1989c: 51, 59; 1989d: 86]. Если Бромлей, как мы видели, только к самому концу жизни пришел к осознанию того, что государственное устройство СССР, основанное на этнонациональном принципе и иерархической структуре, во главе которой стоят «титульные» нации, является источником множества проблем и может быть постепенно заменено территориальной федерацией, предполагающей «деполитизацию» этничности, то с точки зрения Тишкова, такая форма была бы предпочтительной. Рассматривая три варианта реформы федерации, он указывал на первый, ориентирующийся на опыт буржуазных государств с сильными демократическими традициями, в которых «государственность и этничность (национальный фактор) становятся все менее взаимосвязанными и как бы функционируют отдельно. Этот вариант предусматривает отказ от принципа национальной (этнической) госу-

³ Я благодарю В. А. Тишкова за эти сведения.

дарственности <...> Реализация этого варианта в нашем государстве возможна лишь на принципе территориальной федерации, а не путем каких-то видоизменений существующей системы национально-территориальных статусов». Ученый считал этот вариант привлекательным и признавал, что «свои осторожные симпатии в его пользу автор не хотел бы скрывать» [Тишков 1989а: 15–16]. Тем не менее он также признавал, что осуществить его в настоящий момент невозможно, и в качестве более реалистичной альтернативы указывал на реформу, основанную на сочетании «принципов территориального самоуправления и учета национальных факторов», при которой произойдет уравнивание статуса всех 53 национально-автономных образований и превращение их в равноправных членов единой федерации. На пути к этой реформе предлагалось также восстановить Крымскую АССР и автономию немцев Поволжья, сблизить права союзных и автономных республик, создавать этнические ассоциации и т. д. «В будущем СССР станет федеративным государством примерно из 50 равноправных образований. Осуществить этот вариант трудно, но возможно» [Там же: 15–17].

Необходимые реформы в сфере межнациональных отношений и государственного устройства, согласно другой публикации В. А. Тишкова, включали пять основных пунктов: 1) «полная свобода выбора в вопросах индивидуального национального самоопределения, включая отказ от практики фиксации национальности в каких-либо документах»; 2) расширение прав в области национально-культурной автономии с правом создавать национальные общественные, религиозные и другие ассоциации; 3) «реформа государственного устройства с упразднением иерархии национально-государственных образований и одновременным расширением их суверенитета»; 4) создание вместо автономных округов специальных «территорий-резерватов» для малочисленных народов Севера и Сибири; 5) устранение несправедливости в отношении депортированных народов [Тишков 1991: 81–82]. Не случайно статья Тишкова уже в качестве директора Института этнографии АН СССР, вышедшая в «Правде» спустя год после статьи Бромлея, носила название «Тупики национальной государственности» [Тишков 1990].

Таким образом, следование или не следование теории этноса в ее позднесоветском варианте отнюдь не предопределяло представления экспертов о необходимости тех или иных конкретных социальных или политических мер. В качестве примера можно привести тот факт, что один из ведущих теоретиков этноса, ставший впоследствии русским националистом, В. И. Козлов, в 1988 г. также предлагал отмену фиксации национальности в паспортах и других официальных документах [Коршунов, Чешко 1989: 22].

Заключение

В своем анализе теорий этноса советского и постсоветского времени Сергей Ушакин сближает построения Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева. По его мнению, эти теории объединяет разграничение, которое они делают между собственно этносом и институтами государства. «Освобождая» этнос как некое биопсихосоциальное тело от оков рухнувшего государства, эти теории делают его основной движущей силой истории, вдохновляя тем самым новые поколе-

ния националистов [Oushakine 2009: 79–129]. В то же время рассмотренный материал показывает, что Бромлей как ученый и гражданин не был готов «пожертвовать» советским государством, до конца оставаясь его приверженцем. Более того, в этот период приоритет сохранения единого государства сближал его анализ с позицией будущего главного критика этноса в российской науке.

К концу 1980-х годов и сторонники теории этноса (Бромлей, Крюков), и ее противники (Тишков) сходились на отрицании иерархии народов, выстроенной в советском государстве и в советской теории этноса. Единственным аргументом, использованным Бромлеем для защиты этнического понимания нации, было то, что в случае перехода к гражданскому пониманию нации она будет неотличима от государства. В эпоху перестройки, однако, выяснилось, что огосударствление и политизация этничности чреваты распадом государства. Уже Бромлей признал необходимость преодоления этого принципа на практике; Тишков, продолжив ту же логику, нанес окончательный удар по теории нации, воплощенной в советском нациестроительстве.

Как было показано на примере выступления С. И. Брука в ИМЛ, уже на ранних этапах перестройки для этнографов не была секретом ключевая роль, которую играла интеллигенция в феномене «роста этнического самосознания». То, что кадровая политика в республиках, рост амбиций республиканских элит и интеллигенции ведут к росту национализма, этнографы знали и ранее. Уже в начале 1970-х годов докладные записки этносоциологов рекомендовали прекращение политики преференций «титulyным» национальностям в республиках, однако ни практических, ни теоретических выводов из этих сообщений, видимо, сделано не было [Rawski 2017: 127]. В первых публикациях Центра по изучению национальных отношений в СССР было зафиксировано, что «мотором» этнонациональных движений и выступлений по всей стране является научная и творческая интеллигенция, вырабатывающая приоритетные категории этнического самосознания, соответствующую идеологию и символы и транслирующая их в массы [Дробижва 1990: 99]. Конструктивизм, или «лично-ориентированный подход к изучению этнической идентичности» [Tishkov 1997: 14], несомненно, выгодно отличался от теории этноса, апеллировавшей к безличным силам истории. В то же время Тишков и другие московские этнологи не скрывали критического отношения к «постсоветским интеллектуалам» националистического толка, «перегруженным наследием отживших теорий и зачастую не имеющим способностей к саморефлексии» [Tishkov 1997: xv].

Не ставя под сомнение конфликтогенный потенциал националистических теорий, включая некоторые варианты теории этноса, следует, однако, принять во внимание и тот факт, что позиция интеллектуала в данной ситуации определялась не только (и, возможно, не столько) теорией, которую он исповедовал, но и его позицией в системе координат «центр — периферия» или общегражданская/государственная vs этническая/партикуляристская идентичность. Как мы видели, оценка «национального вопроса» этнографами старшего поколения и сторонниками советской теории этноса не входила в противоречие с оценками и тактикой следующего поколения экспертов, лидером которых стал В. А. Тишков. Имплицитно государственническая позиция была заложена в самой теории Бромлея, рационализировавшей приоритет национально-госу-

дарственных образований (этносоциальных организмов — ЭСО) перед этническими группами, разделенными разными государствами или не имеющими государственности («этнокос»).

В связи с этим следует, на мой взгляд, прислушаться к критике фукольдиданской модели дискурса, которую высказал Крейг Брандист на материале истории раннесоветского востоковедения. Прежде чем выносить окончательное суждение о таких глобальных формациях, как гомогенный «советский дискурс» о Востоке, считает Брандист, необходимо детально разобраться в зачастую противоположных точках зрения, высказывавшихся в этой области в 1920–1930-е годы [Brandist 2017]. В данном случае детальный анализ теоретических и «прикладных» суждений этнографов времен перестройки показывает, что советская официальная версия теории этноса сама по себе не несла националистического потенциала, а ее ведущий идеолог видел главным императивом своих экспертных оценок сохранение СССР. В конце жизни он рассматривал вариант «деполитизации» этничности, за который ратовали и сторонники конструктивизма. В то же время можно сказать с уверенностью, что ряд экспертов-этнографов представлял себе реалистичную картину состояния дел в этнополитической сфере, что позволило уже в период перестройки начать создание широкой сети этнологического мониторинга, развернутой Институтом этнологии и антропологии в постсоветское время.

Источники

О п у б л и к о в а н н ы е

Горбачев 1995 — *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М.: Новости, 1995.

Материалы 1989 — Материалы Пленума Центрального комитета КПСС (19–20 сентября 1989 г.). М.: Изд-во полит. лит., 1989.

А р х и в н ы е

Бромлей 1990 — *Бромлей Ю. В.* Этнические общности и современная этнография. Отдельные главы. 1990 г. (АРАН. Ф. 2138. Оп. 1. Д. 123).

Материалы 1985–1986 — Материалы комиссий Отделения истории о рассмотрении трактовки исторических проблем в работах д. и. н. М. И. Куличенко и д. и. н. Л. Н. Гумилева (национальные отношения и историко-этническая проблематика) за 1985–1986 гг. (АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 772).

Отчеты 1989, 1999 — Отчеты о работе сектора социально-психологических проблем национальных отношений за 1989, 1999 гг. (АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1758).

Постановления 1969–1976 — Постановления Президиума АН СССР об организации и составе Научного совета по национальным проблемам и отчет о работе Научного совета за 1975 г. 1969–1976 гг. (АРАН. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 182).

Предложение 1988 — Предложение института к проектам законов СССР: «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР», «О выборах народных депутатов СССР», к разработке концепции Пленума ЦК КПСС по вопросам национальных отношений, проекту ЮНЕСКО «Шелковый путь», общесоюзной комплексной программе эстетического воспитания, по разработке проблем культуры. 1988 г. (АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1679).

Протоколы 1968 — Протоколы № 1–5 заседаний Секции общественных наук АН СССР. Т. 1. 1968 г. (АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 105).

- Протоколы 1976 — Протоколы № 6–9 заседаний Секции общественных наук АН СССР. Т. 2. 1976 г. (АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 223).
- Протоколы 1988 — Протоколы № 2–7 заседаний Ученого совета. 1988 г. (АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1682).
- Стенограмма 1967 — Стенограмма заседания Секции общественных наук АН СССР. Т. 1. 10 января 1967 г. (АРАН. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 82).
- Стенограмма 1987 — Стенограмма Ученого совета Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с докладом Э. А. Баграмова «Национальные проблемы в современных условиях», 1987. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 350).

Сокращения

АРАН — Архив Российской академии наук. Москва.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Москва.

Литература

- Арутюнов 1993 — *Арутюнов С. А.* Преодоление какого кризиса? // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 8–14.
- Баграмов 2003 — *Баграмов Э. А.* Национальная проблематика прежде и теперь (субъективные заметки) // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С. Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 47–86.
- Бромлей 1988 — *Бромлей Ю. В.* Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 16–28.
- Бромлей 1989а — *Бромлей Ю. В.* О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции // Советская этнография. 1989. № 1. С. 4–18.
- Бромлей 1989б — *Бромлей Ю. В.* О разработке национальной проблематики к пленуму ЦК КПСС // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: ИНИОН, 1989. С.19–36.
- Бромлей 1989с — *Бромлей Ю. В.* Федерация или конфедерация? // Правда. 1989. № 219 (7 авг.). С. 2.
- Бромлей 1991 — *Бромлей Ю. В.* Национальные проблемы в свете принципа равноправия // Национальные процессы в СССР / Отв. ред. М. Н. Губогло. М.: Наука, 1991. С. 43–62.
- Бромлей 2009 — *Бромлей Н.* Послесловие (немного личных воспоминаний, мыслей...) // Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 411–435.
- Бромлей, Тер-Саркисянц 1981 — *Бромлей Ю. В., Тер-Саркисянц А. В.* Этнографическая наука в десятой пятилетке // Советская этнография. 1981. № 2. С. 3–24.
- Вайнштейн 2004 — *Вайнштейн С. И.* Юлиан Владимирович Бромлей: человек, гражданин, ученый // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 608–627.
- Верховцев 2019 — *Верховцев Д.* Невидимый расцвет теории этноса? [Неопубликованная рукопись].
- Губогло 1989 — *Губогло М. Н.* О создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: ИНИОН, 1989. С. 94–104.
- Губогло 2013 — *Губогло М. Н.* Антропология повседневности. М.: Языки славян. культуры, 2013.

- Дробижева 1990 — *Дробижева Л. Н.* Роль интеллигенции в развитии национального самосознания народов СССР в условиях перестройки // *Духовная культура и этническое самосознание наций* / Отв. ред. Л. Н. Дробижева М.: [б. и.], 1990. С. 83–100.
- Коршунов, Чешко 1989 — *Коршунов А. М., Чешко С. В.* Обзор выступлений // *Советская этнография*. 1989. № 1. С. 18–25.
- Крюков 1986а — *Крюков М. В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // *Советская этнография*. 1986. № 3. С. 58–69.
- Крюков 1986б — *Крюков М. В.* Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей // *Советская этнография*. 1986. № 5. С. 66–78.
- Крюков 1988а — *Крюков М. В.* Советская этнографическая наука нуждается в перестройке // *Советская этнография*. 1988. № 1. С. 55–62.
- Крюков 1988б — *Крюков М. В.* Этнос и субэтнос // *Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник. Вып. 18.* М.: Наука, 1988. С. 5–21.
- Крюков 1989 — *Крюков М. В.* Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации) // *Советская этнография*. 1989. № 4. С. 5–19.
- Куличенко 1983 — *Куличенко М. И.* *Нация и социальный прогресс.* М.: Наука, 1983.
- Советская этнография 1987 — *Советская этнография в условиях перестройки* // *Советская этнография*. 1987. № 4. С. 3–8.
- Соколовский 2014 — *Соколовский С. В.* Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // *Антропологический форум*. № 20. 2014. С. 143–188.
- Тишков 1989а — *Тишков В. А.* Да изменится молитва моя... О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: [б. и.], 1989.
- Тишков 1989б — *Тишков В. А.* Народ, нация, государственность... // *Советская культура*. 1989. № 78. С. 3.
- Тишков 1989с — *Тишков В. А.* Народы и государство // *Коммунист*. 1989. № 1. С. 49–59.
- Тишков 1989д — *Тишков В. А.* О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // *Советская этнография*. 1989. № 1. С. 73–89.
- Тишков 1989е — *Тишков В. А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // *Советская этнография*. 1989. № 5. С. 3–14.
- Тишков 1990 — *Тишков В. А.* Тупики национальной государственности // *Правда*. 1990. 4 сент. № 247. С. 3.
- Тишков 1991 — *Тишков В. А.* Союз до и после пяти лет перестройки // *Национальные процессы в СССР* / Отв. ред. М. Н. Губогло. М.: Наука, 1991. С. 64–82.
- Тишков 1992 — *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 1. С. 5–20.
- Тишков 2003 — *Тишков В. А.* О Ю. В. Бромлее // *Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы* / Отв. ред. С. Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 5–9.
- Тишков 2016 — *Тишков В. А.* От этноса к этничности // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 5. С. 5–22.
- Цамерян 1979 — *Цамерян И. П.* Некоторые актуальные вопросы теории наций и национальных отношений // *Научный коммунизм*. 1979. № 2. С. 21–31.
- Brandist 2017 — *Brandist C.* Marxism, early Soviet oriental studies and the problem of ‘power/knowledge’ // *International Politics*. Vol. 55. No. 6. 2017. P. 803–819.
- Jasanoff 2004 — *Jasanoff Sh.* The idiom of co-production // *States of knowledge: The co-production of science and social order* / Ed. by Sh. Jasanoff. London; New York: Routledge, 2004. P. 1–12.
- Oushakine 2009 — *Oushakine S. A.* *The patriotism of despair: Nation, war, and loss in Russia.* Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 2009.

- Rawski 2017 — *Rawski K.* A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. P. 109–132.
- Tishkov 1997 — *Tishkov V. A.* Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union: The mind aflame. London: Sage Publications, 1997.

References

- Arutiunov, S. A. (1993). Preodolenie kakogo krizisa? [Overcoming which crisis?] *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993(1), 8–14. (In Russian).
- Bagramov, E. A. (2003). Natsional'naiia problematika prezhe i teper' (sub"ektivnye zametki) [National problematics now and before]. In S. Ia. Kozlov (Ed.). *Akademik Iu. V. Bromlei i otechestvennaia etnologiiia. 1960–1990-e gody* (pp. 47–86). Nauka. (In Russian).
- Brandist, C. (2017). Marxism, early Soviet oriental studies and the problem of 'power/knowledge'. *International Politics*, 55(6), 803–819.
- Bromlei, Iu. V. (1988). Chelovek v etnicheskoj (natsional'noi) sisteme [Man in ethnic (national) system]. *Voprosy filosofii*, 1988(7), 16–28. (In Russian).
- Bromlei, Iu. V. (1989a). O razrabotke natsional'noi problematiki v svete reshenii XIX partkonferentsii [On developing nationalities studies according to the decisions of the 19th Party Conference]. *Sovetskaia etnografiia*, 1989(1), 4–18. (In Russian).
- Bromlei, Iu. V. (1989b). O razrabotke natsional'noi problematiki k plenumu TsK KPSS [On developing national problematics towards the CPSU Plenum]. In *Chto delat'? V poiskakh idei sovershenstvovaniia mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR* (pp. 19–36). INION. (In Russian).
- Bromlei, Iu. V. (1989c, August 7). Federatsiia ili konfederatsiia? [Federation or confederation]. *Pravda*, 1989(219), 2. (In Russian).
- Bromlei, Iu. V. (1991). Natsional'nye problemy v svete printsipa ravnopraviiia [Ethnic problems in the light of the principle of equal rights]. In M. N. Guboglo (Ed.). *Natsional'nye protsessy v SSSR* (pp. 43–62). Nauka. (In Russian).
- Bromlei, Iu. V., Ter-Sarkisians, A. V. (1981). Etnograficheskaiia nauka v desiatoi piatiletke [Ethnographic science in the Tenth Five-Year Plan]. *Sovetskaia etnografiia*, 1981(2), 3–24. (In Russian).
- Bromlei, N. (2009). Posleslovie (nemnogo lichnykh vospominanii, myslei...) [Afterword (A few personal memories and thoughts)]. In Iu. V. Bromlei. *Ocherki teorii etnosa* (pp. 411–435). Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian).
- Drobizheva, L. N. (1990). Rol' intelligentsii v razvitii natsional'nogo samosoznaniia narodov SSSR v usloviakh perestroiki [The role of intelligentsia in the development of ethnic identity of the peoples of the USSR under the conditions of Perestroika]. In L. N. Drobizheva (Ed.). *Dukhovnaia kul'tura i etnicheskoe samosoznanie natsii* (pp. 83–100). (N. p.). (In Russian).
- Guboglo, M. N. (2013). *Antropologiia povsednevnosti* [Anthropology of everyday life]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Guboglo, M. N. (1989). O sozdanii Vsesoiuznogo tsentra nauchno-prikladnykh issledovanii natsional'nykh protsessov [On the founding of the center for applied research of ethnic processes]. In *Chto delat'? V poiskakh idei sovershenstvovaniia mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR* (pp. 94–104). INION. (In Russian).
- Jasanoff, Sh. (2004) The idiom of co-production. In Sh. Jasanoff (Ed.). *States of knowledge: The co-production of science and social order* (pp. 1–12). Routledge.
- Korshunov, A. M., & Cheshko, S. V. (1989). Obzor vystuplenii [A review of presentations]. *Sovetskaia etnografiia*, 1989(1), 18–25. (In Russian).

- Kriukov, M. V. (1986a). Eshche raz ob istoricheskikh tipakh etnicheskikh obshchnostei [Once more about the types of ethnic groups]. *Sovetskaia etnografiia*, 1986(3), 58–69. (In Russian).
- Kriukov, M. V. (1986b). Glavnoi zadachei po-prezhnemu ostaetsia proniknovenie v sushchnost' etnicheskikh svyazei [The main task is still to gain an insight into the essence of ethnic ties]. *Sovetskaia etnografiia*, 1986(5), 66–78. (In Russian).
- Kriukov, M. V. (1988). Etnos i subetnos [Ethnos and subethnos]. In *Rasy i narody. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy: Ezhegodnik* (Vol. 18, pp. 5–21). Nauka. (In Russian).
- Kriukov, M. V. (1988). Sovetskaia etnograficheskaia nauka nuzhdaetsia v perestroike [Soviet ethnography is in need of a reform]. *Sovetskaia etnografiia*, 1988(1), 55–62. (In Russian).
- Kriukov, M. V. (1989). Chitaia Lenina (razmyshleniia etnografa o problemakh teorii natsii) [Reading Lenin (Thoughts of an ethnographer about the problems of the theory of nation)], *Sovetskaia etnografiia*, 1989(4), 5–19. (In Russian).
- Kulichenko, M. I. (1983). *Natsiia i sotsial'nyi progress* [Nation and social progress]. Nauka. (In Russian).
- Oushakine, S. A. (2009). *The patriotism of despair: Nation, war, and loss in Russia*. Cornell Univ. Press.
- Rawski, K. (2017). A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 6(1), 109–132.
- Sokolovskii, S. V. (2014). Zerkala i otrazheniia, ili eshche raz o situatsii v rossiiskoi antropologii [Mirrors and reflections, or Once more on the situation in Russian anthropology]. *Antropologicheskii forum*, 20, 143–188. (In Russian).
- Sovetskaia etnografiia v usloviakh perestroiki (1987) [Soviet ethnography under the conditions of Perestroika]. *Sovetskaia etnografiia*, 1987(4), 3–8. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1989a). *Da izmenitsia molitva moia... O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnoshenii* [Let my prayer change... About new approaches to the theory and practice of interethnic relations]. (N. p.). (In Russian).
- Tishkov V. A. (1989b). Narod, natsiia, gosudarstvennost'... [A people, a nation, a state]. *Sovetskaia kul'tura*, 1989(78), 3. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1989c). Narody i gosudarstvo [Peoples and the state]. *Kommunist*, 1989(1), 49–59. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1989d). O kontseptsii perestroiki mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR [About the concept of restructuring interethnic relations in the USSR]. *Sovetskaia etnografiia*, 1989(1), 73–89. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1989e). O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnoshenii [About new approaches to the theory and practice of interethnic relations]. *Sovetskaia etnografiia*, 1989(5), 3–14. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1990, September 4). Tupiki natsional'noi gosudarstvennosti [Dead ends of the nation state]. *Pravda*, 1990(247), 3. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1991). Soiuz do i posle piati let perestroiki [The Union before and after five year of Perestroika]. In M. N. Guboglo (Ed.). *Natsional'nye protsessy v SSSR* (pp. 64–82). Nauka. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1992). Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [Soviet ethnography: Overcoming the crisis]. *Sovetskaia etnografiia*, 1992(1), 5–20. (In Russian).
- Tishkov, V. A. (1997). *Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union: The mind aflame*. Sage Publications.
- Tishkov, V. A. (2003). O Iu. V. Bromlee [About Iu. V. Bromlei]. In S. Ia. Kozlov (Ed.). *Akademik Iu. V. Bromlei i otechestvennaia etnologia. 1960–1990-e gody* (pp. 5–9). Nauka. (In Russian).

- Tishkov, V. A. (2016). Ot etnosa k etnichnosti [From ethnos to ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016(5), 5–22 (In Russian).
- Tsamerian, I. P. (1979). Nekotorye aktual'nye voprosy teorii natsii i natsional'nykh otnoshenii [Some relevant questions of the theory of nation and national relations]. *Nauchnyi kommunizm*, 1979(2), 21–31. (In Russian).
- Vainshtein, S. I. (2004). Iulian Vladimirovich Bromlei: chelovek, grazhdanin, uchenyi [Iulian Vladimirovich Bromlei: Person, citizen, scholar]. In V. A. Tishkov, & D. D. Tumarkin (Eds.). *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologii i antropologii 20 veka* (pp. 608–627). Nauka. (In Russian).
- Verkhovtsev, D. (2019). Nevidimyi rastsvet teorii etnosa? [An invisible flowering of the theory of ethnos?] (Unpublished paper). (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Сергей Сергеевич Алымов

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник, Отдел
русского народа, Институт этнологии
и антропологии им. Н. Н. Миклухо-
Маклая РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский
пр-т, д. 32А
Тел.: +7 (495) 954-76-36
✉ alymovs@mail.ru

Sergei S. Alymov

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher, Department of the Russian
People, The RAS N. N. Miklukho-Maklay
Institute of Ethnology and Anthropology
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32A
Tel.: +7 (495) 954-76-36
✉ alymovs@mail.ru